

Р. Досмурзинов *

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
г. Астана, 010000, Республика Казахстан
*e-mail: rustem.dosmurzinov@mail.ru

КАТЕГОРИЯ СВОБОДЫ В ОБЩЕСТВАХ КОЧЕВЫХ СКОТОВОДОВ

Аннотация.

В исследовании раскрывается восприятие свободы, как универсальной, и в то же время, уникальной ценности в мировоззрении народов, главной основой жизнеобеспечения которых веками являлось пастбищное скотоводство. Источниковой базой данного исследования стали материалы по политической и культурной истории, социальной структуре, духовной культуре различных скотоводческих обществ и этнических групп. Автор статьи попытался обосновать проявление свободы и борьбы за свободу у скотоводческих народов через призму политических событий, а также культурных феноменов. В качестве предмета исследования были взяты материалы о крупнейших монгольских (буряты, халха-монголы, ойрат-калмыки) и тюркских (казахи) народов.

В результате исследования автор пришел к выводу, что в силу различных обстоятельств и условий, прежде всего событий политической истории, особенностей социальной структуры, предположительно, свобода нашла среди различных кочевых народов свое наиболее яркое выражение в культуре казахского народа. Понятие свободы личности в традиционном казахском обществе отчасти соответствовало современному. Следовательно, «степная демократия» внесла свой определенный вклад в развитие первоначальных «ячеек» модернизированных институтов современного гражданского общества.

Между тем, в научных трудах зарубежных исследователей до сих пор существует предубеждение относительно исторической роли скотоводов (кочевников) в мировой истории. Скотоводческие общества по-прежнему изображаются как «дикие», «бескультурные» и воинственные общества, основным занятием которых был грабёж и война. Однако, следует особо отметить, что в социальной структуре скотоводческих народов не было зависимого крепостного населения, социальные отношения основывались на иерархических принципах, в определенной степени отличных от европейских. Скотоводческие общества, основанные на особой системе жизнеобеспечения, имели свои представления о свободе, которые актуальны и важны для изучения национального менталитета гражданского общества в современный период.

Ключевые слова: мировоззренческие традиции, свобода, казахский народ, бурятский народ, халха-монгольский народ, ойрат-монгольский народ.

Введение.

Понятие свободы является универсальной категорией и ценностью. В истории и культуре различных народов свобода находила выражение в различных формах деятельности, в материальной и духовной культуре, искусстве. Гражданское и социальное общество ставит во главу угла незыблемую реализацию прав и свобод ее граждан. Поэтому исследования в области изучения истории развития различных институтов правового общества, в том числе понятия свободы, для модернизации общественного сознания являются актуальными. Кроме того, исследований мировоззренческих традиций различных кочевых народов в сравнительном аспекте до сих пор проведено не было. Научные работы в области кочевниковедения, в основном, посвящены политическим, экономическим аспектам, а отдельные культурологические феномены, такие, как свобода в кочевом обществе, остаются малоизученными. Тем самым целью исследования является показать проявления свободы как категории в кочевых обществах.

Научная новизна исследования заключается в проведении сравнительного анализа исторических событий, социальной структуры и культурных феноменов в отношении такой

ценностной категории, как свобода (в монг. «эрх чөлөө», в каз. «азаттық», в калм. «цолоо») у монгольских и тюркских народов.

Материалы и методы исследования.

Объектом настоящего исследования является свобода и ее проявления, как формы выражения народного духа [1]. Предметом исследования стали формы выражения свободы – в политической истории, в духовной культуре и в национальном спорте. Теоретико-методологические основы исследования включают макро-подход, применяемый в современных исторических исследованиях, и принцип системности. Макро-исторический подход выявил закономерности в исторических событиях, происходивших в евразийских степях многие столетия назад. Принцип системности показал скотоводческие народы и сообщества как определенные системы, в которых преобладали специфические мировоззрения и устои. Описательный и историко-сравнительный методы позволили выявить общие и специфические черты в различных скотоводческих обществах. Сведения для исследования были собраны на основе материалов крупнейших тюркских и монгольских народов, которые вели скотоводческий образ жизни в прошлом или продолжают вести скотоводческий образ жизни до настоящего времени.

Результаты и их обсуждение.

Категория свободы у бурятского, халха-монгольского и калмыцкого (ойрат-монгольского) народа. Предками бурятского народа были древние племена баргутов (байырку), которые к VI веку занимали обширные территории у озера Байкал, а также просторы от реки Селенги до притоков Амура. Наибольшее значение в этом союзе племен имели этнические группы эхиритов и булагатов. Основными занятиями баргутов, а позднее бурят, были охота на оленей, коневодство и кузнечное дело.

Баргуты часто входили в состав тюркских государств и были связаны с тюркским миром. Однако гораздо большее влияние на баргутский союз племен оказали их ближайшие соседи – халха-монголы. Известно, что в XIII веке «лесные народы» к северу от Халхи были покорены Джучи, и бурятские племена были в их числе. В дальнейшем история бурятского народа была тесно связана с монгольскими народами, среди которых особое место занимали отношения с западными монголами – ойратами. В современное время бурятские племена были вовлечены в междоусобицы халха-монголов, а также в противостояние Российской и Цинской империй. Когда влияние Российской империи усилилось на Дальнем Востоке, буряты стали служить в царской армии, а также были зачислены в казачье войско.

Современные буряты исповедуют буддизм Махаяны и традиционные верования, среди которых особое место занимает шаманизм. Традиционное бурятское общество было патриархальным и характеризовалось высоким статусом мужчин, как и у других монгольских народов. Бурятские общины чаще всего входили в состав крупных государственных образований тюрков и монголов, но зачастую их власть на территории Бурятии была номинальной. Реальная власть находилась в руках глав родоплеменных групп и аймаков, которые являлись догосударственными институтами. Это, в свою очередь, объясняет относительную свободу бурятских общинников, которые в течение долгого времени мигрировали в разные части Монголии и Забайкалья.

Буряты и халха-монголы имеют общую историю и близкую культуру. Чингисхан является общим национальным героем, как для халха-монголов, так и для всех других тюркских и монгольских народов. Так, согласно истории, в начале тринадцатого века монгольский воин Тэмуджин объединил разрозненные монгольские и некоторые тюркские племена (найманы, керейты, кыпчаки) в единое государство под названием «Ик Монгол улус» («Великое государство»).

Создание империи сопровождалось значительными изменениями в социальной организации монгольского общества. Объединение враждующих племен и масштабные завоевательные походы могли быть осуществлены только при условии создания единой системы управления, опирающейся на мощную военную силу. Был создан централизованный аппарат власти, осуществлявший военное командование и контроль над монголами и завоеванными регионами, сочетавший в себе традиционные черты кочевников и элементы, заимствованные из государственной организации соседних земледельческих народов. Каждое племя и его подразделение составляло часть монгольской армии в соответствии с численностью воинов. Армия делилась на десятки тысяч («тумэн»), и они, в свою очередь, на тысячи («мингган»), сотни («жагун»), десятки («арбан»). Такое сочетание военной и племенной организации не привело к уничтожению последней.

После распада Монгольской империи единая военно-административная система управления также распалась, что привело к большей независимости отдельных племенных групп и кланов. Их вожди, опиравшиеся только на военную мощь родовой знати и поддержку родственников, уже не имели прежних возможностей для принуждения соплеменников и вынуждены были в определенной степени считаться с их интересами.

Подавляющее большинство традиционного монгольского общества составляли свободные араты (общинники-скотоводы). Они были независимыми скотоводами и формировали из своих рядов племенную гвардию. Тем не менее, в социальной структуре монголов существовал низший слой, так называемый «унаган-богол». Эта категория не была рабами или крепостными, поскольку они сохраняли свою собственность и пользовались определенной личной свободой, но все результаты их труда доставались их «господам» [2]. Рядовые араты же предоставляли своим вождям только часть продукции животноводства, а основной частью стада распорядились по праву собственности.

Основной экономической и социальной единицей монгольского кочевого общества была семья (аил), чаще всего в форме большой или неразделенной семьи. Социальная организация монголов имела общинно-племенную структуру. Семьи образовывали кочевые общины «обо». Кочевые общины объединялись в более крупные племенные подразделения или племена «урук», а последние объединялись в племена «иргэн». Кочевые группы часто распадались и возникали вновь, включая неродственные элементы. Племена и их крупные подразделения сегментировались, сливались с другими племенами или их фрагментами, что отражалось в появлении новых генеалогических структур. Развитие родоплеменной структуры происходило исторически. Фактическое кровное родство существовало только в пределах аилов, мелких племенных подразделений. Более крупные элементы социальной организации были связаны между собой идеологически формальными генеалогическими представлениями о родстве. В условиях подвижной жизни родственно-генеалогический принцип объяснения общественных отношений был важнейшим и пожалуй, единственно возможным способом реализации реального экономического и политического единства.

Родоплеменной строй монголов, который можно рассматривать как совокупность генеалогически и иерархически взаимосвязанных кочевых групп – общин, в целом представлял собой форму экономической, военной и политической организации. Однако в то же время генеалого-племенная структура не всегда полностью совпадала с существующими элементами общинно-племенной организации. Хотя генеалогическо-племенная структура исторически развивалась, но делала это медленно. Существенные изменения в ней чаще всего происходили в результате крупных этнических и военно-политических столкновений. В каждый конкретный исторический период генеалогическая структура больше напоминала окостеневшую традиционную схему, не способную

достаточно мобильно адаптироваться к изменяющимся потребностям военной и экономической организации. Отсутствие гибкости генеалогической организации практически компенсировалось тем, что элементы экономической и военной организации, не совпадающие с традиционной структурой, появлялись в рамках общинно-племенной структуры. В то же время эти два типа структур не противоречили друг другу, а дополняли друг друга. Судьба внегенеалогических или, точнее, межгенеалогических структурных элементов могла быть разной. Они могли со временем вымирать или включаться в генеалогическую структуру.

После распада Монгольской империи монгольский народ оказался разделенным и рассеянным в различных государствах, представленным в форме различных этнических общностей. Так, ойраты (западные монголы) имели древнюю историю и состояли из четырех племен, таких как чоросы, хошуты, дербеты и хойты. Первые набеги ойратов в Центральную Азию начались в середине XV века, после того как ойратский тайша Оз-Темир совершил набег на границы узбекского государства (ханства Абулхайра). Поражение Абулхайр хана стало одной из существенных причин распада государства Шейбанидов. В 1635 г. ойратский народ создал государство, известного в источниках, как Джунгарское ханство. С этого периода началась длинная череда больших и малых военных столкновений ойратов (джунгар) с Казахским ханством, вызванные набегами ойратов на казахские улусы. В 1723 г. джунгарские войска под предводительством Цеван-Рабдана вторглись в казахские степи и нанесли серьезный ущерб казахским улусам. В результате военных действий, которые постоянно были успешными, некоторые казахские султаны и бии были вынуждены признать вассальную зависимость от джунгар.

Джунгарское ханство, в отличие от всех других степных государств, имело жестко централизованную политическую систему. Постоянные войны с Цинской империей, которая во много раз превосходила его по численности населения, потребовали создания сложного и разветвленного государственного аппарата. Государством управляли тайши (князья) из клана Чорос, важную роль в политической жизни играли нойоны – представители ойратской знати.

В начале XVII века тайши во главе с Хо Эрлагом покинули территорию Иртыша и достигли прикаспийских степей, вытеснив ногайские аулы. Так были заложены основы Калмыцкого ханства, сыгравшего большую роль в поворотах событий в евразийской степи. Немного раньше, в 1640 г. среди западных монголов был организован съезд знати («чулган»), который принял ряд правовых актов – «Цааджин бичиг» (или монголо-ойратские законы 1640 года). Основной целью этих законов было предотвращение самовольного передвижения знати и простых людей, а также регулирование внутренних отношений между монгольской знатью и укрепление власти тайши и нойонов [3]. Они предусматривали суровые наказания за несвоевременное выполнение предписанных обязанностей, за неподчинение приказам «тайши» и чиновников, за кражу у них скота и т.д.

Воплощением понимания свободы является традиционная борьба. Известно, что первым состязанием у монголов является национальная борьба («бох барылдах»). Борцы соревнуются в разных весовых категориях, а специальная категория судей решает, кто с кем борется. Соперники в сопровождении своих секундантов выходят на поле с разных сторон. Их походка, приседания, взмахи руками и шлепки по бедрам имитируют полет мифической птицы Гаруды. Это форма представления зрителям, которые радостно приветствуют появление борца. До революции ритуал первого появления борцов также сопровождался их поклоном богдо-гегену, после чего они возвращались на свои места. На больших надувах на поле одновременно выходят до десяти пар, на малых («сомон») – две-три.

Секунданты снимают с борцов головные уборы и держат их в течение всего поединка. Борцы сближаются, похлопывают себя по бедрам, наклоняются друг к другу, приседают, положив одну руку на колено, держа другую руку свободной и готовой к схватке, и замирают на некоторое время в этой позе ожидания. Если ожидание затягивается, секунданты должны подбадривать своих подопечных. Задача каждого бойца – схватить противника за плечи и с силой бросить его на землю, пока он не коснется ее любой частью своего тела. Самая эффектная победа – когда один из борцов переворачивает другого на спину и прижимает его к земле коленом. Борец, коснувшийся земли, выбывает из схватки. Зрители приветствуют победителя, он снова имитирует полет Гаруды, получает чашу кумыса, кланяется зрителям, его секундант надевает шапку, и он возвращается в шатер, ожидая, пока судьи назовут его следующего противника [4].

Понятие свободы в культуре казахского народа.

В середине XV века, с созданием единого государства, завершились основные этапы этногенеза казахского народа. Слово «казах» («қазак») имеет древнее происхождение и было распространено среди тюркских скотоводческих обществ. Кроме того, казаками называли «вольных людей», которые жили в степях Поднепровья, Северного Кавказа, Дона и Волго-Уральского междуречья и занимались для охраны границ и военных походов.

В первой половине XVI века, при правлении хана Касыма, Казахское ханство достигло наивысшего расцвета. В новом периоде истории важное место занимали отношения с Джунгарией, которая стремилась установить гегемонию в казахской степи. Ряд побед, одержанных ханом Абулхайром, а затем ханом Абылаем, позволили Казахскому государству укрепить свои позиции. Однако угроза новых джунгарских походов, а также внутренние политические проблемы вынудили Казахский улус принять подчинение Российской империи. Долгое время колонизация казахских степей ограничивалась сбором налогов с местного населения и изъятием земель в пользу казаков. После создания военных крепостей вдоль крупных рек Иртыш, Тобыл, Урал (Яик) и Волга военно-казачий этап колонизации сменился крестьянским, получившим наибольшее развитие во второй половине XIX – первом десятилетии XX века. Постоянные налоговые сборы и экспроприация земли вынуждали казахские роды и племена к различным формам борьбы. Наиболее крупные восстания возглавили Исатай Тайманов и Махамбет Утемисов (1836-1838), Кенесары-хан (1837-1847) и Амангельды Иманов (1916).

Свобода также считалась важной категорией среди казахских «шаруа». Поэтому восстание Кенесары-хана, потомка Абылай-хана и потомка хунтайджи Галдан Церена, было поддержано всеми тремя жузами. Восстание Кене-хана стало символом борьбы за независимость казахского народа спустя годы.

Скотоводческая община казахского народа, по мнению Н.Масанова, – это, прежде всего, функционально целостная организация трудовых индивидов, основанная на принципах трудовой кооперации. Историк Н.Е. Масанов выделял два типа общин: минимальную (дисперсную), которая развивалась в зимний, ранневесенний и позднеосенний периоды, и концентрированную или расширенную, существовавшую в теплый период года [5].

Размер кочевого поселения, как отмечает М.С. Муканов, зависел от площади пастбищ и наличия воды для кормления и водопоя достаточного количества скота, которым владела одна или несколько семей. В связи с этим он пишет: «...В первом случае это могло быть хозяйство богатого скотовладельца («бая»), а во втором – группа хозяйств среднего достатка и небольшой силы, объединенных в кочевую общину...» [6].

Рубеж XIX-XX веков не зря называют расцветом колониализма. Практически вся политическая карта мира в этот период состояла из территорий стран-метрополий и их

колоний. Для казахского народа, как и для многих других скотоводческих народов, этот период стал временем испытаний.

Во второй половине XIX – начале XX веков в казахской степи усилилась колониальная политика, проводимая царской администрацией. В ходе административных реформ 1867-1868 гг. территория Казахстана была признана государственной собственностью. Крестьянская реформа, или, как ее называли, «великая» реформа, проведенная в 1861 г. в Российской империи, не решила проблем, накопившихся в аграрном секторе. Эта реформа не решила земельную проблему, поскольку земля по-прежнему оставалась в собственности помещиков, а «освобожденные» крестьяне были безземельными. Царское правительство, стремясь решить эту проблему, нашло выход из положения, проводя активную политику переселения крестьян из центральной России.

Преобладающей формой хозяйства в традиционном казахском обществе был экстенсивный тип, когда кочевники использовали пастбища сезонно, а скот пасся круглый год. Однако в связи с сокращением пастбищ ареал кочевой деятельности резко сократился. А.Букейханов, лидер движения «Алаш», был убежден, что основой благосостояния народа является сельское хозяйство. Отмечая трансформацию традиционного кочевого хозяйства, А.Букейханов в своих работах выступал за его сохранение, так как считал его одной из фундаментальных основ, на которых формировалась этническая идентичность казахов.

В работе «Киргизы» А.Букейханов обратил внимание на изменения в социальной структуре казахского общества. Разрушение традиционной структуры, несомненно, повлияло на хозяйственную деятельность. Казахский аул в конце XIX века еще в значительной степени сохранял основу и социальную структуру традиционного общества. Это свидетельствует о том, что в это время происходило ослабление родовой структуры, составлявшей основу традиционного казахского хозяйства, и возникновение аула нового типа.

В вышеупомянутой работе А.Букейханов описал социальную структуру казахского общества следующим образом: «...Таким образом, схема социально-экономической структуры киргизского (казахского – авт.) населения выражается следующим образом: основной его ячейкой, как и везде, является киргизская (казахская – авт.) семья – двор, «чангарак»; объединенные общей землей, «чангараки» образуют киргизский (казахский – авт.) сельский «кстау» или «хозяйственный аул», как их называют в статистической литературе; отдельные «кстау», объединенные общим землепользованием, образуют более сложную земельную общность – «общинно-аульную группу» и «экономический аул», и «общинно-аульная группа» возникли под покровительством родни и поддерживаются родственными связями, поэтому обе эти формы социально-экономической жизни киргизов пока совпадают с родом, хотя основа их жизнеспособности лежит в потребностях землепользования», – заключает А.Букейханов.

Понятие свободы в традиционном обществе связано со статусом женщины. В свете данного исследования большую ценность представляет работа А.Букейханова (1866-1937) «Женщина по киргизской былине «Кобланды» (1899). Он, отмечая лиризм и, в определенной степени, близость к истине как особенность казахской поэзии, объяснил свой выбор этого эпоса следующим образом: «...Мы выбрали эту интересную для изучения киргизов (примеч. – авт.) и их культуры былинку «Кобланды» для рассмотрения киргизской (примеч. – казахской) женщины, так как она более подходит по своей популярности и относительной правдивости. Ни одна другая былина не может лучше ответить на интересные вопросы, чем «Кобланды», благодаря своему расположению на границе двух вероисповеданий людей: о языческой кыргызской женщине, о том, как она стала мусульманкой, о взглядах мусульманской и языческой киргизской (примеч. – авт.)

женщины...». После этого филологического анализа Букейханов выделяет три образа казахской женщины, изображенных в вышеупомянутом эпосе. Первый – это образ матери, в данном случае образ матери главного героя Кобланды. Исследователь так описывает этот образ: «...По естественному порядку вещей первой появляется мать героя – Аналык. Одно только ее имя, означающее «материнство», раскрывает ее любящее материнское сердце, и дано оно ей, надо признать, не без цели. ...Аналык была любима своим мужем, который удовлетворял ее желания и капризы, и у нее были все возможности жить в достатке и даже наслаждаться жизнью, удовлетворяя свои прихоти и страсти к роскоши и безделушкам. Самое главное, Аналык была полноправной хозяйкой, имеющей право не только вести домашние дела, но и вмешиваться в дела мужа и через него в дела людей своими советами и даже приказами. Эти вмешательства, которые постепенно расширялись, дали Аналыку возможность стать народной «байбишей». Характер Аналык совсем не сложен. Это женщина, которая не имеет личных интересов и живет ради чужих радостей и горестей. Любовь, бескорыстие и служение – это жизнь Аналык, и она не знает другого...».

Второй образ, приводимый А.Букейхановым, – это образ дочери Аналык, сестры Кобланды батыра – Карлыгаш. В статье дается следующая характеристика этого образа: «...Надо сказать немного о дочери Карлыгаш. Ее появление на свет было незаметным. Рождение девочки в киргизской (примеч. – казахской) семье не может быть встречено с такой радостью, торжеством и ажиотажем, как рождение сына, который является продолжателем рода и его культом... С первых дней рождения скромно встреченная при рождении Карлыгаш занимает второстепенное место в семье. Ей уделяется меньше внимания, чем брату, как со стороны родителей, так и со стороны родственников...». Третий образ женщины, приведенный в статье, – это образ жены Кобланды батыра Куртки. А.Букейханов, учитывая особенности казахского народного творчества, дает следующую характеристику этому образу: «...автор вернулся для героини к оставленному язычеству. Это дало светлую и прекрасную Куртку с ее способностью предсказывать и предвидеть будущее. Но Куртка помогает Кобланду и другим только тогда, когда они сами прислушиваются к ее советам и действуют по ее указаниям, сама она не может активно управлять поступками людей. В таком изображении характера Куртки еще больше проявляется сообразительность автора... Поэтому ее влияние на героя должно ограничиваться тем, что она помогает ему в его делах своими знаниями и ясновидением, но не руководит им. Он сохраняет свою независимость, хотя непослушание ей приводит его к бесчестью, поражению в войне, а иногда даже почти к смерти» [7]. Таковы особенности статуса женщины в материалах казахского фольклора.

Во второй половине XIX века, как отмечает историк Г.Е. Марков, уже происходил интенсивный распад мелких родоплеменных подразделений. По его мнению, в основе организации даже таких небольших ячеек кочевого общества, как аул, лежали не столько родственные, сколько экономические соображения. В связи с этим он писал: «...в конце XIX – начале XX века основной социально-экономической единицей казахского общества была семья, которая владела скотом и пользовалась пастбищами. Семьи были как большими, состоящими из родственников 2-3 поколений, так и малыми, состоящими из главы семьи, жены и детей. Хотя полигамные семьи были распространены, они не были преобладающими, так как только люди из богатых семей могли платить «калым» (выкуп за невесту) за нескольких жен и содержать их. В зависимости от местных традиций, исходя из экономической целесообразности, времени года и т.д., семьи объединялись в большие или меньшие группы: скотоводческие («кочевые, или пастушеские») или оседлые аулы...» [2. – 170]. Поэтому свобода, как категория, развивавшаяся в традиционном обществе

подвергается трансформации, что должно стать предметом уже для дальнейших исследований в исторической науке.

Заключение.

В целом можно сказать, что категория свободы в скотоводческих обществах основывалась на понимании собственной личной независимости, что отчасти соответствует современному пониманию свободы. Скотовод был свободен в передвижении и нес в основном военную службу, но это не означает, что в скотоводческих обществах не было прочных основ государственности и централизованной власти. Как уже отмечалось, иерархия социальных отношений в кочевых обществах основывалась на родоплеменных отношениях старшинства. Попытка ослабить влияние родовых вождей, была проведена впервые в обществах казахского и калмыцкого народов. Вероятно, в традиционном казахском обществе категория свободы нашла свое наиболее яркое проявление, поскольку к концу XVII в. ойратское общество стало более централизованным, а его потестарно-политическая система более дробной и иерархической.

Иным проявлением свободы является национальная борьба, распространенная и в современности. В данном феномене культуры нашли отражение не только ценность свободы, но и религиозные верования (например, влияние буддизма в танце Гаруды). Борьба за независимость являлась ключевой формой политической деятельности в истории практически всех исследованных кочевых народов. По сравнению со скотоводом-кочевником, европейский крестьянин имел гораздо более узкие права, и его свобода могла проявиться только в условиях проживания в городах, поэтому урбанизация, а затем и модернизационные процессы, в том числе секуляризация, в европейских государствах началась раньше, чем в государствах и обществах кочевых скотоводов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- 1 Гегель Г.В. Лекции по философии истории. — СПб.: Наука. — 2000. — 480 с.
- 2 Марков Г. Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. — Москва: Красанд. — 2010. — 320 с.
- 3 Златкин И.Я. История Джунгарского ханства 1635-1758. — Москва: Наука. — 1983. — 169 с.
- 4 Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. — Москва: Восточная литература. — 1983. — 247 с.
- 5 Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевничества. — Москва: Горизонт. — 1995. — 320 с.
- 6 Тайжанова Г.Е. Казахи. Историко-этнографическое исследование. — Алматы: Казахстан. — 1995. — 352 с.
- 7 Букееханов А.Н. Казахи: историко-этнографические труды. — Астана: Алматы кітап. — 2007. — 303 с.

КӨШПЕЛІ ХАЛЫҚТАРДЫҢ МӘДЕНИЕТІНДЕГІ ЕРКІНДІК ҰҒЫМЫ

Андатпа.

Зерттеу жұмысында өмір сүру салтында жайылымдық мал шаруашылығымен айналысқан халықтардың дүниетанымындағы әмбебап және сонымен бірге бірегей құндылық ретінде қабылданатын еркіндік мәнін ашуға назар аударылады. Саяси және мәдени тарих, әлеуметтік құрылым, әртүрлі мал шаруашылығы қоғамы мен этникалық топтардың рухани мәдениеті туралы материалдар осы зерттеуге негіз болды. Мақала авторы саяси оқиғаларды, сондай-ақ мәдени құбылыстарды талдау арқылы мал шаруашылығымен күн көрген халықтардағы еркіндік және еркіндік үшін күрестің көрінісін негіздеуге тырысты. Зерттеу пәні ретінде моңғол (буряттар, халха-моңғолдар, ойрат-қалмақтар) және түркі (қазақтар) халықтары секілді ірі этностардағы материалдар алынды.

Зерттеу нәтижесінде, автор әр түрлі жағдайларға, ең алдымен саяси тарихтағы оқиғаларға, әлеуметтік құрылымның ерекшеліктеріне байланысты, еркіндіктің әр түрлі көшпелі халықтар арасында алып қарағанда

қазақ халқының мәдениетінде өзінің айқын көрінісін тапты деген қорытындыға келді. Дәстүрлі қазақ қоғамындағы жеке бас еркіндігі ұғымы ішінара қазіргі заманға сай болды, демек, «дала демократиясы» заманауи азаматтық қоғамның жаңғыртылған институттарының бастапқы ұяшықтарының дамуына өз үлесін қосты.

Сонымен қатар, шетелдік зерттеушілердің ғылыми еңбектерінде малшылардың (көшпенділердің) әлемдік тарихтағы тарихи рөліне қатысты әлі де біржақты көзқарас бар. Мал шаруашылығы қоғамы әлі күнге дейін «жабайы», «мәдениетсіз» және жауынгерлік қоғамдар ретінде бейнеленген, олардың негізгі кәсібі тонау мен соғыс болды деген пікірлер басым. Алайда, мал шаруашылығы халықтарының әлеуметтік құрылымында тәуелді басыбайлылық болмағанын, әлеуметтік қатынастар белгілі бір дәрежеде еуропалықтардан өзгеше иерархиялық принциптерге негізделгенін ерекше атап өткен жөн. Тіршілікті қамтамасыз етудің ерекше жүйесіне негізделген мал шаруашылығы қоғамының қазіргі кезеңдегі азаматтық қоғамның ұлттық менталитетін зерттеу үшін өзекті және маңызды болып табылатын еркіндік туралы өзіндік идеялары болды.

Негізгі сөздер: дүниетанымдық дәстүрлер, еркіндік, қазақ халқы, бурят халқы, халха-моңғол халқы, ойрат-моңғол халқы.

CATEGORY OF FREEDOM IN NOMADAL PASTOLOGICAL SOCIETIES

Abstract.

The study reveals the perception of freedom as a universal, and at the same time, unique value in the worldview of peoples, the main basis of whose livelihoods for centuries was pastoralism. The source base for this study was materials on the political and cultural history, social structure, and spiritual culture of various pastoral societies and ethnic groups. The author of the article tried to substantiate the manifestation of freedom and the struggle for freedom among pastoral peoples through the prism of political events, as well as cultural phenomena. As the subject of the study, materials were taken about the largest Mongolian (Buryats, Khalkha-Mongols, Oirat-Kalmyks) and Turkic (Kazakhs) peoples.

As a result of the study, the author came to the conclusion that due to various circumstances and conditions, primarily events of political history, features of the social structure, freedom presumably found its most vivid expression among various nomadic peoples in the culture of the Kazakh people. The concept of individual freedom in traditional Kazakh society partly corresponded to the modern one, therefore, “steppe democracy” made its own contribution to the development of the initial “cells” of the modernized institutions of modern civil society.

Meanwhile, in the scientific works of foreign researchers there is still a prejudice regarding the historical role of pastoralists (nomads) in world history. Pastoral societies are still portrayed as “savage”, “uncultured” and warlike societies whose main occupation was robbery and war. However, it should be especially noted that in the social structure of pastoral peoples there was no dependent serf population; social relations were based on hierarchical principles, to a certain extent different from European ones. Pastoral societies, based on a special life support system, had their own ideas about freedom, which are relevant and important for studying the national mentality of civil society in the modern period.

Key words: ideological traditions, freedom, Kazakh people, Buryat people, Khalkha-Mongol people, Oirat-Mongol people.

REFERENCES

- 1 Gegel' G.V. *Lektsii po filosofii istorii. [Lectures on the philosophy of history]*. SPb.: Nauka. 2000. 480 p. [in Russian]
- 2 Markov G. *Kochevniki Azii: Struktura hozyaistva i obshhestvennoi organizatsii. [Nomads of Asia: The structure of the economy and public organization]*. Moskva: KRASAND. 2010. 320 p. [in Russian]
- 3 Zlatkin I.YA. *Istoriya Dzhungarskogo hanstva 1635-1758. [The history of the Dzungarian Khanate 1635-1758]*. Moskva: Nauka. 1983. 169 p. [in Russian]
- 4 Zhukovskaya N.L. *Kochevniki Mongolii: Kul'tura. Traditsii. Simvolika. [Nomads of Mongolia: Culture. Traditions. Symbolism]*. Moskva: Vostochnaya literatura. 1983. 247 p. [in Russian]
- 5 Masanov N.E. *Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshhestva. [Nomadic civilization of Kazakhs: fundamentals of nomadic society]*. Moskva: Gorizont. 1995. 320 p. [in Russian]
- 6 Taizhanova G.E. *Kazakhi. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie. [Kazakhs. Historical and ethnographic research]*. Almaty: Kazakhstan. 1995. 352 p. [in Russian]
- 7 Bukeikhanov A.N. *Kazakhi: istoriko-etnograficheskie trudy. [Kazakhs. Historical and ethnographic research]*. Astana: Almaty kitap. 2007. 303 p. [in Russian]

Information about authors:

Rustem Dosmurzinov - **corresponding author**, PhD doctoral student, 3 year of educational program on “Archaeology and ethnology”, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

E-mail: rustem.dosmurzinov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1756-8236>

Информация об авторах:

Рустем Досмурзинов - **основной автор**, PhD докторант 3 курса образовательной программы «Археология и этнология», Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан

E-mail: rustem.dosmurzinov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1756-8236>

Авторлар туралы ақпарат:

Рустем Досмурзинов – **негізгі автор**, «Археология және этнология» оқу бағдарламаасының 3-курс PhD докторанты, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана қ., Қазақстан Республикасы

E-mail: rustem.dosmurzinov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1756-8236>

FTAMP 11.25.19

ӘОЖ 327

DOI 10.47649/vau.2023.v69.i2.03

С.Ж. Сапанов^{1*} , А.Ж. Саурбаев² , А.Д. Абдулов¹

¹Х.Досмұхамедов атындағы Атырау университеті
Атырау қ., 060011, Қазақстан Республикасы

²Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық Қазақ-Түрік университеті
Түркістан қ., 161200-161205, Қазақстан Республикасы

*e-mail: cefosh1@mail.ru

СТРАТЕГИЯЛЫҚ ШЕКАРА ЖӘНЕ ӨМІРЛІК КЕҢІСТІККЕ ҚАТЫСТЫ ҚЫТАЙДЫҢ СЫРТҚЫ САЯСИ ТҰЖЫРЫМДАМАЛАРЫ

Андатпа.

Қазақстан-Қытай арасындағы мемлекеттік шекара мәселесі – халықаралық қатынастар тарихындағы өзекті мәселелердің бірі. Бұл тақырыптың саяси маңыздылығы әр мемлекет үшін ұлттық қауіпсіздікті қамтамасыз ету, территориялық тұтастық пен тәуелсіздігін сақтап қалуда шекаралар мәселесі көкейкесті болып табылады.

Халықаралық қатынастар субъектісі ретінде кез келген мемлекетке 3 сипат тән екендігін атап өту қажет: территориясы, халқы және саяси ұйымы. Мемлекеттің геосаяси белгісі оның белгілі бір территориясы ғана емес, саяси кеңістігінің де болуында. Ал мемлекет тәуелсіздігі мен оның қауіпсіздік факторы маңызды компоненттер ретінде оның саясылығын көрсетеді. Мемлекеттік шекарада елдің ұлттық мүдделері мен олардың арасындағы қатынастардың күрделі кешені жасырын тұрады. Заңды түрде рәсімделген және халықаралық түрде танылған шекаралар кез келген мемлекеттің сипаты болып табылады. Егер елтаңбасын, туын, әнұранын, конституциясын әр елдің өзі айқындайтын болса, мемлекеттік шекара желісін белгілеу қажетті халықаралық келісімшарттарды жасау мен оны әлемдік қоғамдастықтардың тануын қажет етеді. Осыған байланысты, шекаралардың беріктігі, әділеттілігі демаркация желісінің географиялық сипаттарына ғана тәуелді емес, сондай-ақ екі мүдделі жақ қол жеткізген түсіністікке қатысты.

Тәуелсіздік алғаннан кейін Қазақстан халықаралық қатынастардың толық құқықты факторы болып табылды. Мемлекетіміз үшін маңызды мәселенің бірі – қауіпсіздік, оны қамтамасыз етудің негізі – Республика шекарасын нығайту.